

ПАСТЕЛЬ — синоним нежности. Небеса пастельных оттенков — апрельский воздух, окрашенный солнцем и влажной прохладой. Платице пастельного цвета — неизменная лёгкость и ощущение юной свежести. Неслучайно мода на пастель возникла в галантном восемнадцатом столетии, когда изысканное рококо диктовало особые вкусы — нюансы, тонкость, светлые комнаты и вихрь голубых, розовых, фисташковых нарядов. Царил культ вечной младости — с чуть проступающим румянцем и гладенькой пухлостью. Как витье тончайшие пальчики, держащие розу в каплях росы?

Безусловно, пастель начали использовать куда как раньше, ещё во времена Леонардо и Рафаэля, однако в качестве самостоятельной техники она пришлась ко двору несколько

Царского Села, заказала Эриксену сама императрица. Матвеева изображена в кругу детей, старший из которых и сам — глубокий старик. Этот рисунок в конечном итоге оказался в коллекции Григория Орлова, любившего всякие редкости.

Среди экспонатов имеются работы австрийца Михаэля Кристофа Гегельганса — это аллегории счастливого детства, где малыши, напоминающие амурчиков, держат в руках цветочные гирлянды, окружены птичками и волшебными облаками. По технике — весьма посредственно. Автор владел пастелью, но не умел рисовать лица — к телам пухлых малюток словно бы приставлены физиономии некрасивых женщин.

А вот — небольшой тщательно сделанный портрет княгини Прасковьи Голицыной. Здесь как раз отлично проработано

сценам. Он прославился и в иппическом поджанре (от hippos — лошадь). В своих эскизах и готовых рисунках Орловский часто использовал пастель. С автопортрета на нас глядит ретивый мужчина с пышною шевелюрой. Рисунок не просто техничен — он передаёт норов художника, знавшего, как обьезжать самых вздорных коней.

ПОТОМ о пастели надолго забыли — она вновь заинтересовала мастеров и заказчиков лишь к излёту XIX века. Пастель активно использовалась импрессионистами: она подходила к "атмосферным" картинам, где реальность зыбка и всё подёрнуто дымкой.

Наши художники не отставали. В экспозиции представлены пейзажи Исаака Левитана — "Цветущий сад", "Разлив", "На озере Комо. Набережная", "Близ

льстил модели — на фотографии она вовсе не блистательна. Изыскан портрет Нины Хрущёвой — дочери доктора медицины, профессора-петрографа, минералога Константина Хрущёва. Художник виртуозно передал текстуру волос, прозрачность ткани, сквозь которую просвечивает кожа. Колорит типично-сероватый — серебристо-чёрная и серо-жемчужная гамма.

На выставке есть и произведения Ивана Крамского — например, портрет жены Софьи. То было ураганное чувство, несмотря на осуждение социума. Ещё бы! Крамский вступил в брак с любовницей своего друга — это фразгипировало многих, в том числе заказчиков. Союз оказался на диво крепким, без измен и размолвок. На монохромном рисунке — худощавое лицо с потрясающими глазами. Софья не слыла приметно-броской Афродитой, но был в ней тот божественный свет, который и превращает женщину в музу.

Перед нами — знаменитая вещь — бакстовский портрет Зинаиды Гиппиус — этой амазонки русского модерна. Одетая в мужское платье с узкими штанами-юполотами а-ля галантный век, она демонстрирует длинные ноги — такая раскованность и рискованность. Заигрывавшая с гендером, сочинявшая под мужским псевдонимом (или от имени мужчины, как в "Мемуарах Мартынова"), Гиппиус была сверхженственной и — шикарной, как истая барыня. В этом портрете — вся сущность фамми-фаталь, трагичной и пафосной, но при том обладавшей здоровым чувством юмора.

СПАСТЕЛЮ работал и Александр Головин. Среди экспонатов — его "Испанка", а также эскиз декорации к опере Кристофа Глюка "Орфей и Эвридика". Это музыкальное произведение, созданное в середине XVIII столетия, по сию пору считается идеальным — прежде всего, с точки зрения композиции. Го-

ловинская сценография — это эффектные стилизации под эпоху Глюка — с беседками, цветочными гирляндами и мягким свечением. Тут нет ничего от греческой архаики с её борьбой Хаоса и Космоса — только изящество и манерность.

Восхитительн портрет Елизаветы Фёдоровны — родной сестры императрицы — чёткий профиль и платье-дымка, словно бы обволакивающая плечи богини. Скульптор Паоло Трубецкой, если уж рисовал, то вкладывал в это стилистику ваятеля. Елизавета — и живая, и мраморная одновременно. Автор уловил печаль в глазах своей героини — она отличалась меланхолическим темпераментом и, не будучи счастлива в бездетном браке, полностью отдала себя религии.

Говорить о пастельных держаниях и обойти Зинаиду Серебрякову? Невозможно! Вот — её балерина Валентина Иванова, характерная танцовщица Мариинского театра. В отличие от художницы, её запечатлевшей, она не покинула Россию и служила Терпсихоре до конца 1960-х — уже в роли преподавателя. Серебрякова нарисовала приятельницу в испанском костюме — для номера, который она танцевала с постоянным партнёром Андреем Лопуховым.

Экспозиция обширна и разнопланова. Тут есть и фантазматичная "Жемчужина" Михаила Врубеля, и неожиданные эскизы плафонов от Константина Марковского — купидоны, увитые розами, и почти карикатурный портрет Наталии Гончаровой, начерканный её супругом Михайлом Ларионовым. Пастель многолика. Она — и рисунок, и живопись. А порой — нечто среднее. Она капризна и не всякому подчиняется. В этом её завлекательная прелесть.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Портрет А.А. Грошевой». Художник Исаак Левитан. Конец 1880-х — начало 1890-х гг.

СТИХИЯ

А всё это было — имя, светлые, в пояс, косы, да глаза — больше нету в мире: вёсёлы, зелёных, раскосых. И звали её — Светлана. Она понимала шутки, плавала с акаланом, прыгала с парашютом, без промаха в тире стреляла, знала приёмы самбо, танцы — от вальса до самбы, так, что казалось — мало места ей на планете... После, уже в перестройку, эта шальная ракета рухнула где-то в Нью-Йорке, уробие с полсотни янки, только не так и не тех... Что вам ещё о Светлане, школьной моей мечте?

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ТААХА (помехи на линии дальней связи)

эта...
эта местность...
эта местность изменилась...
изменилась за время отсутствия...
за время отсутствия неузнаваемо...
неузнаваемо всюду...
всюду клубится туман...
указатели не соответствуют...
не соответствуют местности...
местность сама
сама изменилась за время...
за время больших разрушений...
больших разрушений не обнаружено...
не обнаружено, но, тем не менее...
тем не менее,
всё перемешано, сдвинуто...
сдвинуто при повороте назад...
при повороте назад поле зрения сужено...
поле зрения сужено,
что тем более сводит с ума...
...поражаясь уже не смещениям,
а совпадениям, наши глаза...
натывая на ветхие веши,
зарубки о будущем будущем...
но оказалось — за время отсутствия...

АСКАНИЯ-НОВА

Эх, мороз да воля,
воплый глаз Луны,
да поэмка в поле,
да России сны!

Выйди на простор.
Помолчи.
Постой.
Будто бы семьсот лет — всё ветра свист.
И тебя несёт — только отзовись на курганный сон, на далёкий стон.
Бредилшь?
Или спишь?
Болен?
Иль неволен?
Ветер гонит по степи перекапи-поле.
Оторвалось — и не знает, где пристанет, молот Бога...
Люди не найдут дороги: под ордынскими конями вся земля пылает.
По морозным ковылям ветер пробегает...

ПЕРВЫЙ НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Уходит в полночь город спящий
на низком рокоте струны,
и твой крылатый полуящик
скользит сквозь призрачные сны.
Огни костров на шпидроме —
уже внизу и вдалеке,
там ничего не будет, кроме
следов от взлёта на песке.
А ты, бездонный и мновенный,
держ невидимый штурвал,
как будто со цветка Вселенной
пылинку вечности сорвал...

ИЗ ЦИКЛА "ЭКЛИПТИКА"

І. Рыбы

Крещёный трижды, град — во сне.
Кумир на бронзовом коне
устало руку простирает:
в век Александрo-Николаев:
от гатчинской ночной подушки
до грома корабельной пушки
над потрясённого Невой, —
не мёртвый град и не живой
сквозь летаргию вспоминает
век Александрoв, Николаев,
немного Фёдоров и Львов,
и Михаилoв — но без слов.
Всё проплывает смутной тенью
под выстрел сердца полудневный.

Х. Скорпион

И — на выдохе, вдаль: "Исполать!"
Укрываясь туманом белесым,
сиротливо прижались поля
к полюсу облетевшего леса.
В смутном снепке холодных небес
весь пейзаж отражён и уполен —
знать, пора вспомнить о себе.
Знать, пора — только нёкого вспомнить.
Вот — летят эти зончие дни,
вот — дымит над полями печаль,
да ещё — тонкий запах осенний
понимания и всепрощенья,
где судьбы расплетается нить,
и спасения нет.

Только жаль...

Очень редко бываю собой —
не таким, как всегда и до века,
а таким, как помыслил Бог,
создавая меня, человека...
Тёплый ветер в сетях берёз,
пара слов из письма к любимой,
от которой уже — лишь тень.
Только это вот — я всерьёз...
Нет, не только... Ещё — был взылад.
Ты смотрела — ко мне летела...
С чем уйду — то ли в рай, то ли в ад —
никому никакого дела...

Владимир ВИННИКОВ

ЛИТЕРАТУРА НУЖНА

Русское слово — в плену у Минцифры

КАЗАЛОСЬ БЫ, зачем все эти разговоры о поддержке литературы, о создании необходимой инфраструктуры? О попечении, чтобы возродилось утраченное чувство необходимости, не заброшенности, важности дела. Востребованности человека этого дела. Зачем? Особенно в ориентации на массовую аудиторию. Вроде локальная история, внутренняя кухня: хочешь писать книжки — пиши. Ручку подарить, за стол усадить? Что ещё нужно? Обычно так и отвечают. Лукаво. Разве нет более важных дел сейчас? Война. Вот фронт, вот люди в тылу. Опять же призраки новой перестройки, которая так и не отпустила страну за 35 лет и всё примеряется, как вновь ухватить за горло. А тут литератор со своими хотелками и жадной самореализацией, призывающий обратить на себя внимание. Нужны ли его письменна кому-то — вопрос. Все грамотные, слогать слова в предложения может каждый. Опять же ИИ есть. Многие тексты-скороспелки и штамповки литераторов уже давно неотличимы. Книжный конвейер работает без устали. Перепроизводство. Книга уже давно — продукция, век которой чуть дольше, чем у лапши быстрого приготовления. Что-то или кто-то выпадет — никто и не заметит. В чём ценность, если тиражи — крохотки, а читателей и того меньше. Влияние на жизнь общества, на политическую повестку — нулевое или около того. Воспитательная функция также сомнительна. Зачем? Если за постсоветские годы уже практически приблизились к американскому восприятию литературы и литератора, где, по словам Дж. Стейнбека, положение у писателей "чуть ниже акробатов и чуть выше толпелней". Вот и у нас сейчас в схожем диапазоне литература дрейфует, а из амбициозных устремлений — лишь желание подняться ближе к акробатам.

Но ведь нужна литература, необходима. И как-то странно об этом говорить. Причём, нужна не штамповка, не прописи, а суверенная. Это не просто досужие истории, побасёнки, но просто более-меее упорядоченное нагромождение слов. А своя образная и знаковая система, своя героика и аксиология, лучи смыслов, сшивающих и объединяющих.

Причём значение литературы не раскрывается в моменте, это долгая история, в том числе с отложенным действием. И оппоненты это отлично понимают:

стараются шулерски бить своей картой. Вот была страна на пике своего могущества, но является книга, и мощь начинает дряхлеть, а стальные мышцы — ржаветь, и возникает чувство тошноты от самого себя. Так книга детерминирует, загоняивает реальность и ведёт своими путями. Опять же, ничто не происходит само собой. На примере книг Оруэлла или Солженицына мы знаем о мощной индустрии продвижения, а это была только вершина. Та индустрия идеологической атаки, войны смыслов действует до сих пор. Её гипнотическое действие заставляет нас смотреть на себя через оптическое преломление этих книг. Примеряя к себе тот же образ скотного двора. Всё это смонтировало и привело в действие камнедробилку перестройки, по определению Александра Проханова. Тогда под лозунги гласности — нового идеологического нарратива и установок — были призваны писатели, публицисты, появились миллионные тиражи журналов, от которых охидали сенсационных откровений и "правды" любой ценой. Был сформулирован новый социал-заказ и обозначено направление работы: превращать в труху и пыль твёрдые большие страны, уничтожать прежнюю систему ценностей, производить идеологический выверт и подлог.

Литература для России жизненно важна. Отечественная цивилизация началась со слова, с книжного памятника. Это цивилизация развёртывающегося эпоса, оставляющего свои свидетельства текстами. Слово тут было разное. В нём и божественное благоговение, и Русская Правда, и Благодать с Законом. Тут и слово о погибели, и плач, и освящение житейного пути с преображения Варфоломеем в Сергия с чудесным постижением грамоты. И манифест о Третьем Риме. И хождение по мукам, и пророческое предупреждение, и многое другое. В советской стране всё это отлично понимали, именно поэтому она тоже начиналась с грамоты, неслая её, что свет. Занималась особым попечением о литературе и, несмотря на огромные трудности, не отказывалась от неё, не призывала бухгалтеров, чтобы он урезал все сметы, ибо книгу на хлеб не намажешь. Литература благодарно отзывалась. Помогала поднимать страну, двигала время вперёд, внесла свой неоценимый вклад в дело Победы.

ЯВЛЕНИЕ КНИЖНИКА, писателя на отечественной почве — всегда чудо. Хоть Аввакум, хоть Ломоносов, хоть божественный Пушкин. Было откровение Достоевского, а в XX веке — Шолохова. Вот ушёл он в тот самый загворённый оруэлловский год, годом ранее — Фёдор Абрамов, осталась земля без заступника и ходатая, разверзлись чертоги подпола, из которых хлынула потоком слово разрушения, соблазна, обольщения и лжи. Слово — коммуникация с высшими сферами, оно собирает полк истории, возводит крепость и гонит искusstеля, это откровение единого пути. Без него — тьма и морок. Вот почему именно слово, именно русскую литературу последовательно убивали в постсоветские годы, выворачивали наизнанку, конструировали новую традицию и классический канон, низводили статус, прошивали чуждыми ценностями ориентирами. Убеждали, что литература — игрушка и лишь заполнение вакуума досуга. Вот и получилось, что именно в такой оптике бездушешки мы и воспринимаем сейчас книгу. Этакая дополнительная опция, на которую можно переключиться, когда пальцы устанут листать рилсы.

Но значимость книги отлично понимают наши оппоненты. Поэтому и продолжают создавать свою инфраструктуру, своё стенобитное орудие и таран. На это не жалуют ни сил, ни ресурсов, чётко зная, что целенаправленное и последовательное действие рано или поздно достигнет результата. Не спешат, рассчитывают на долгосрочный эффект, тем более что в перестройку всё получилось. Создают свои конвейеры штамповки кривды, выстраивают иерархии, заботятся о продвижении. Работают на перспективу, как и раньше, создают свою среду внутри страны. Взрачивают свои кадры, манипулируя соответствующими нарративами, образной системой и идеологиями. Производят накопительный эффект в расчёте на то, что всё это, уплыви момент, сметёт лютую плотину и разольётся мутными и гнилыми водами. Работают на разъединение, отторжение. На размежевание по национальному, религиозному принципу, на расчёсывание травм, на расчленение истории общности. На навязывание комплексов неполноценности и вины. Постепенно восстанавливают ту самую перестроечную камнедробилку и готовят её вновь запустить.

Андрей РУДАЛЁВ